

БОРОДЗЮЛЯ ИОСИФ ИОСИФОВИЧ

25 ЛЕТ ТЮРЬМЫ, ЛАГЕРЕЙ И ССЫЛОК

(машинопись, Рига, без даты издания)

ВЕДОМОСТЬ

**О СРОКАХ, ОТБЫТЫХ В ЗАКЛЮЧЕНИИ И ТЮРЬМАХ,
ЛАГЕРЯХ И ССЫЛКАХ, А ТАКЖЕ О РЕАБИЛИТАЦИИ
БОРОДЗЮЛЯ ИОСИФА ИОСИФОВИЧА,**

1893 года рождения.

Паспорт бессрочный, XVII-УЮ № 734178.

ПРИМЕЧАНИЕ: Время с 10-го января 1933 г. до 29-го мая 1935 г. проведено мною по распоряжению Начальника Витебского областного ОГПУ на административной высылке в г. Архангельске, где я работал при Гор Сан. Бюро фельдшером. В день ареста меня в Архангельске 29.V.1935 г. при обыске у меня отобрали все документы, в том числе и трудовую книжку. Восстановить документально этот период (с 10.I.1933 г. до 9.V.1935 г.): несмотря на все мои старания, не удалось. Переписка об этом имеется:

- 1) Архангельская областная Прокуратура от 6-го октября 1962 года № 5/675 ж 58;
- 2) Архангельская областная Госбезопасность от 15-го октября 1962 г. б/№;
- 3) Архангельское Горсанбюро от 4-го апреля 1961 г. № 377 и
- 4) Архангельского областного Архива от 25-го мая 1961 г. № 23/1246.

Таким образом прибавляется два года четыре месяца и девятнадцать дней.

Всего: на основании документов, провел в заключении 24 года 6 месяцев и 29 дней (двадцать четыре года, шесть месяцев и двадцать девять дней).

С. 1-2

ЗА 25 ЛЕТ ИЗГНАНИЯ НАХОДИЛСЯ:

В тюрьме в Полоцке - <в> 1919 году; в Витебске - в 1919 году; в Смоленске - в 1919 году; в Ушаче в 1920 году; в Лепеле - <в> 1920 году; в Лепеле - в 1926 году; в Минске в 1927 году; в Минске в - ОГПУ - 1927 год; Орша - 1927 год; Витебск -пересыльная тюрьма - 1927 год; в Ленинграде - пересыльная тюрьма - 1927 год; Попов Остров - пересыльная тюрьма - 1927 год; Архангельская тюрьма - 1935 год; г. Вологда - пересыльная тюрьма - 1935 год; Свердловская пересыльная тюрьма - 1935 год; Мариинская пересыльная тюрьма - 1935 год; Норильск - центральная тюрьма - 1938 год; Норильск - Тюрьма ОГПУ - 1938 год; Норильск - следственная тюрьма - 1939 год; гор. Лудза Латвийской ССР - пересыльная тюрьма - 1949 год; г. Рига - тюрьма ОГПУ - 1949 год; Рига - общая тюрьма - 1949 год; Рига - пересыльная тюрьма - 1950 год; Москва - пересыльная тюрьма - 1950 год; Свердловск - пересыльная тюрьма - 1950 год; Новосибирск - пересыльная тюрьма 1950 год; Красноярск - пересыльная тюрьма - 1950 год.

В лагерях:

1. Попов Остров (Соловки)¹ - 1927 год;
2. Кемь-Ухтинский тракт (Кут) - 1927 год;
3. Мариинск - 1935 год;
4. Станция Яя - 1936 год;
5. Норильск 1-й - 1936 год;
6. Норильск 2-й - 1937 год;
7. Калларгон - 1938 год;
8. Командировка Амбарная - 1938 год;
9. Норильск-центр - 1939-1941 гг.;
10. Канск - 1941 г.;
11. Тугач - 1941 г.;
12. Командировка Кужо - 1941 г.;
13. Лагерный совхоз «Марьин Клин» - 1942 г.;
14. Командировка «Дальний лес» - 1944 год;
15. Командировка «Сплавлес» - 1945.

Места ссылки:

1. Архангельск - 1930 год;
2. Великий Устюг - 1931 год;
3. Лальск - 1932 год;
4. Сыктывкар - 1932 год;
5. Усть-Кулом - 1932 год;
6. Село Донское - 1933 год;
7. Село Канарай - 1950 год;
8. Село Абан - 1951-1954 гг.

Итак, за все время изгнания находился в: 28 тюрьмах, 15 лагерях и в 8 местах ссылки. В вагонах за тюремной решеткой (пересыльных) и в этапе пешком - всего - 95 дней. Последний этап в 1950 году в деревне Канарай, Красноярского края.

Судебные процессы:

Судебных процессов за это время было 7. Один - Окружной суд (Выездная сессия Таймырского Окружного суда г. Норильск), судья - Ямов, заседатели - Мороз и Иванова. 5 процессов Особого совещания, г. Москва. Один процесс Витебского ОГПУ.

С. 7-9².

¹ Попов Остров это пункт на побережье Белого моря в 15 км от Кеми. Не принадлежит к Соловецкому архипелагу, хотя в Кеми располагалось руководство СЛОН.

² Дальше публикуются избранные фрагменты из машинописной рукописи воспоминаний о. И. Бородзюли.

(...) в заботах, ремонтах, приходских неурядицах прожил в Каменно-Губине с 8 декабря 1919 г. по 29 декабря 1926 года, когда меня и арестовали. Подготовка к аресту велась долго. Меня окружили секретными сотрудниками. Сначала по распоряжению Минского ОГПУ, меня хотели спровоцировать. На польско-русской границе, в районе моих приходов был задержан русской разведкой, некто Немиро, который признался, что шел в Каменно-Губино к настоятелю костела ксендзу Зарембо. Он не знал, что ксендз Зарембо ушел с поляками в Польшу, в дороге заболел сыпным тифом и умер.

Немиро был арестован и направлен в Минское ОГПУ, которое послало своего сотрудника Кондрашева ко мне, который в польском костюме, в коротких брюках и желтых гетрах явился ко мне в костел, под видом Немиры, с фотографией какого-то Винцкевича и на польском языке, весьма осторожно признался, что он с Польши и имеет ко мне секретное дело. Я сразу же понял, что это провокатор, потому что с поляками у меня никаких связей и знакомств не было. Я сейчас же перешел на русский язык и сказал этому Немиро-Кондрашову, что у меня с поляками никаких секретов и связей нет. А если имеете ко мне дело, то пожалуйста - крещу, венчаю, хороню, народ с амбоны учу, как жить, чтобы быть счастливыми, не только на земле, но и на небе. Вот моя работа.

На второй же день после его исчезновения, я сообщил в Минское ОГПУ, чтобы ко мне так провокаторов не присылали. Этот Кондрашов за неумелую работу получили срок 5 лет Соловецкого лагеря Особого Назначения (СЛОН) и я его в 1928 году встретил в Соловецком лагере, где он был охранником, который при встрече со мной сказал: «Меня посадил и сам сел».

Таким образом мой арест через провокатора Немиро-Кондрашева был сорван и Минское ОГПУ было настроено против меня очень враждебно. Наблюдение за мной было поручено местному секретарю комсомольцев Ивану Галаю и сторожихе польской школы, которая жила против костела, Марии Калущкой. Мария Калущкая, после такого важного поручения сделалась очень набожной. От больших дверей костела до большого алтаря ползла на коленях. Я, конечно, догадывался почему она стала такой - ей нужно было войти в мое доверие. Я делал вид, что ничего не знаю. Иван Галай о моих поступках сообщал в Минское ОГПУ официально. А Мария Калущкая была секретная. И вот за два-три года материал на арест был собран. Прокурор дал санкцию на арест. Минское ОГПУ предъявило обвинение по 119 и 121 ст. Уголовного старого кодекса СССР. Одна из них «Преподавание вероучения малолетним», другая - «Использование религиозных предрассудков с целью свержения власти». В новых гражданских и уголовных кодексах этих статей теперь нет.

И так, вечером 29 декабря 1926 года из районного центра города Лепель на 2-х санях, запряженных по два коня, приехали два представителя Минского ОГПУ и четыре солдата-охранника. После обыска, меня отвезли в г. Лепель в милицию, и милиция Лепеля, через Оршу доставила меня 1-го января 1927 года в приемную ОГПУ в г. Минске. Я был первым арестованным, доставленным в этом новом 1927 году, о чем мне принимавший меня сотрудник и сказал. В Минске во внутренней тюрьме ОГПУ меня посадили в одиночку в подzemелье, окон в камере не было. В этой камере сидел заключенный, осужденный за шпионаж в пользу буржуазной Латвии, на расстрел, которому уже был объявлен приговор.

Он ожидал помилования из Москвы. Камера три шага ширины и пять шагов длины. Осужденный на расстрел лежал на дощатом топчане, прикрепленном к стене. На стене у него над головой был нарисован гроб и надпись: «Здесь лежит такой-то». Я устроился на полу против него. Такая стратегия была рассчитана следователем, видимо на то, чтобы меня застрашить и запугать: «Смотри, мол, что тебя ожидает».

Но на меня эта комедия не подействовала, и я чувствовал себя совершенно спокойно. После 2-х недельного пребывания в этой одиночке, меня вызывали к следователю, который оказался немецким коммунистом.

Он был как, политический эмигрант и ему было предоставлено политическое убежище в России (В. Пик)³. На первом же допросе он убедился, что против меня обвинительного материала нет. Есть только секретные сводки секретных осведомителей. И он отказался вести следствие.

Был назначен новый следователь. Тактика нового следователя была построена на том, что хотя и нет материала для обвинения, но дело создать необходимо. Нужны свидетели. И он додумался найти свидетеля.

Арестовал моего органиста Игнатия Щербака, который жил у меня при костеле в Каменно-Губине и исполнял обязанности закрестиана и органиста. Привезли его в Минск в ОГПУ и сказали ему, что ксендз сам сел и тебя тянет. Этим обманным способом следователь рассчитывал сделать из Игнатия Щербака хорошего обвинителя против меня. И это предположение следователя оправдалось. Игнатий Щербак поверил следователю, что действительно из-за меня и его арестовали. А следователь еще добавил жару: «Сгниешь в Сибири вместе с ксендзом».

Впоследствии, когда я возвратился после первого ареста домой, Щербак написал мне письмо:

«Многоуважаемый Иосиф Иосифович!

Я очень обрадовался, когда узнал, что Вы возвратились из Сибири. Припоминая все прошлое, мне страшно, что я очень обидел Вас в 1927 году, когда меня потребовали в Минск в ОГПУ по Вашему делу. Меня следователь сначала застрашил, что я сгнию в тюрьме и причиной тому, будто бы были Вы, что Вы меня втягиваете в это дело. И я сказал ему, что Вы детей учили Закону Божьему. А я же знал, что детей учили родители, а Вы только экзаменовали. А еще я сказал, что к Вам приходили по делам разные люди. И на вопрос следователя: «Может быть, и шпионы в числе этих разных людей приходили?» Я сказал, что может быть и приходили.

Теперь, когда я уже приближаюсь к смерти, очень мучает совесть, что я, как Иуда, продал Вас, - я прошу простить мне и назначить какое угодно покаяние, потому что я это сделал только из-за страха, что и меня прогонят в Сибирь.

20 февраля 1947 года

И. Щербак

п/я Кардон, дер. Тарасенки».

Таким образом, следователь обработал Щербака и сделал его моим врагом. Он начал давать показания против меня, такие, какие нужны были следователю. По ст. 119 Уголовного Кодекса учил детей вере? Щербак подтвердил - учил. К ксендзу приходили разные люди, может быть, и шпионы? Щербак подтвердил - приходили. Этого следователю уже достаточно. И мне на очередном допросе следователь говорит, что Щербак дал показания против меня. После этого я потребовал очной ставки со Щербаком. Две недели следователь обрабатывал Щербака и когда убедился, что при очной ставке он показания подтвердит, вызвал меня для очной ставки, но предупредил, чтобы я никаких вопросов Щербаку не задавал, что вопросы будет задавать только он - следователь. При очной ставке Щербак ни разу на меня не взглянул. Глаза его смотрели только вниз на пол. Следователь официальным голосом обратился к Щербаку: «Такого-то числа Вы при допросе сказали, что ксендз учил детей вере, Вы это подтверждаете?». - Глухой ответ Щербака - <>

С.11-16:

³ Пик, Вильгельм (1876-1960) один из основателей коммунистической и социалистической единой партий Германии. Первый Президент ГДР.

(...) И меня опять в камеру к семерым водворили.

Прошло несколько дней, и в апреле мне объявили, что особое Совещание Москвы ОГПУ от 4 марта 1927 года постановило заключить меня в Соловецкий лагерь особого назначения, сроком на три года - (что и требовалось доказать!). Меня переводят в пересылку, разрешают написать домой. Приказывают готовиться к этапу.

Я написал письмо домой. Через неделю приехал ко мне отец. При<вез> необходимые вещи и провизию. Скоро вызвали на этап. Этап был очень тяжелый. Потому, что помещали нас политических с уголовниками и бандитами, где всюду управляла и руководила шпана. Первый этап был Минск - Орша.

В Столыпинском вагоне с железными решетками, нас было человек 80. Половина вагона занимала охрана и половина заключенные-этапники. Причем, в отдельных отделениях - клетках в четыре этажа помещалось по 7 человек. Я попал на 4-й этаж в клетку, где стоять было невозможно, только сидеть или лежать. Вместо дверей в эту клетку было отверстие, в которое можно было влезть на четвереньках, держась руками за железную решетку. В такой обстановке доехали по железной дороге до Орши. На вокзале в Орше нас выгрузили и под большой охраной, пешком доставили в пересыльную тюрьму.

В Оршанской пересыльной тюрьме свои порядки. Баня и дезинфекция - это начало, а после перевели в пересыльную камеру. Камера чистая, пол деревянный, воздух чистый и светло. В Орше мы пробыли около недели. После чего нас вызвали на новый этап: Орша - Витебск. Церемония и порядок этапный тот же, что и Минск - Орша. Только в Витебской пересыльной тюрьме была такая масса заключенных-этапников, что мест на полатах, т.е. нарах, не было и все наши люди-этапники ночью спали на полу. Мне удалось за 5 рублей у старшины камеры купить себе на нарах на ночь место, но так тесно было лежать, что чтобы перевернуться на другой бок, надо было просить соседей тоже перевернуться, иначе не перевернешься, а на одном боку пролежать ночь очень трудно. В Витебской тюрьме пришлось пробыть недели три.

В этот период с новым этапом прибыл к нам в тюрьму мой декан, ксендз Павел Карпович (старик). Все мои приходы, которые я обслуживал, были в Лепельском деканате. А он был в Лепеле деканом с 1905 года. Как своему близкому человеку, да еще старику, я свое купленное место на полатах (нарах) ему уступил, а сам полез под нары, на пол под ним.

В Витебской этапной тюрьме пришлось пробыть три недели. За это время моего декана Павла Карповича выслали с этапом Витебск - Москва на ссылку на север Европейской России. А меня со следующим этапом Витебск - Ленинград направили в Соловецкий лагерь. На вокзале в Витебске, когда нас погружали в Столыпинский каторжный вагон, пришел меня провожать мой отец, ему тогда уже было лет 60. Я попросил разрешения у начальника конвоя. Начальник дал солдата с винтовкой, и я встретился с моим отцом... Он не плакал, не показал своего страдания и держался бодро. Я тоже держался бодро. Отец мне на прощанье говорил: «там, куда тебя везут, солнце светит?». - Отвечаю: «Светит!». - «А вода, тоже есть?». - Отвечаю: «Есть!». - «Ну, значит, солнце светит, вода есть, а пайку хлеба, я знаю, дают и каторжникам, а ты ведь не каторжник, - я знаю: ты не виноват... Значит, жить можно!!!».

А мама и две тетки, которые тоже меня провожали - горько плакали.

Эти слова отцовские были для меня программой и яркой путеводной звездой жизни лагерной, я сам себе говорил: «Солнце светит? - светит! Вода есть? - есть. Пайку дали - дали... - живи!» И выжил.

Следующий этап Витебск - Ленинград. Так же, как и в первых этапах заключенных поместили в этапный вагон и привезли в Ленинград. В Ленинграде, под большим конвоем препроводили во 2-ую пересыльную тюрьму. Над входом в тюрьму, над воротами вверх написано: «Не плачь, входя, не радуйся выходя!» Не знаю, теперь эти слова там сохранились или исчезли. В Ленинградской тюрьме нас продержали около недели и дальше направили

этапом Ленинград - Кемь. В Кеми быстро на железной дороге нас пересадили в нормальные вагоны и под конвоем отправили в последний этап Кемь - Попов-Остров.

На Попове-Острове пересыльный пункт на Соловецкий лагерь /СЛОН/ - Соловецкий лагерь особого назначения. Тут на пересыльном пункте меня встретил раньше прибывший, арестованный ксендз Юзеф Белоголов⁴.

Он меня хорошо знал по Духовной Академии в Ленинграде, где он в 1917-1919 гг. Был профессором Канонического права, а я был тогда в Академии студентом.

На пересыльном пункте Попов-Остров две первые недели режим был очень строгий. Поместили нас в барак с огромным количеством клопов. Сутана, повешенная на ночь на стену, оказалась утром не черной, а желтоватой от клопов. Выходить из барака, даже в уборную без конвоира с винтовкой нельзя. Питание только кипятков и пайка хлеба.

Как после выяснилось, это делалось для того, чтобы застаршить несчастных заключенных. После двухнедельного такого строгого режима, была перемена. Конвоя не было. Зона была оцеплена колючей проволокой, вышками с охраной с винтовками и полицейскими собаками. Но зато в зоне можно было ходить свободно. Ксендз-профессор Белоголов, сейчас же пришел ко мне в барак, принес чайник с кипятком, какао и сахар и успокоил меня, что эти две недели, как карантин проходит все прибывающие этапы. И действительно, в следующие две недели меня уже с новым этапом <в> 100 человек направили на работу в лес на Кемь-Ухтинский тракт (КУТ). 17 километров до села Подужемье мы шли по дороге колонной по 4 человека в ряду, а конвоиры по бокам.

А от Подужемья начался непроходимый лес, где никакой дороги не было. Была только тропинка, где <надо было> идти пешком или ехать верхом на лошади. Тут нашу колонну перестроили в одиночку: 7 человек впереди, сзади конвоир с винтовкой, потом еще 7 человек и конвоир и т.д. шли мы четверо суток, отдыхали ночью при кострах. Хлеб и сухую рыбу конвоиры везли на лошадях в мешках, перекинутых на хребтах. Итак, пришли на командировку «Юма» (по-фински - слеза). Был уже май, солнце пригревало, поэтому этапный поход был более легким.

Принял этап Борисов Л.С., тоже заключенный с трехлетним стажем. Построил нас на линейку, распределил по категориям, специалистов взял на учет, а рабочих всех и шпану - на общие работы - копать канавы. Вели дорогу с Кеми до финской границы Ухты (180 км) военно-стратегического значения. Меня, Леонид Сергеевич Борисов взял к себе в канцелярию счетоводом технической части. И вот с этого дня у меня началась новая лагерная жизнь. Лагерная жизнь хорошо и действительно описана Солженицыным в его книжке «Один день Ивана Кузьмича»⁵. Моя работа заключалась в том, что надо было каждый день принимать от бригадиров сводки о работе. А работали на дороге - копали канавы и этой землей покрывали полотно дороги. На этой работе проработал до зимы. Зимой рабочих перевели на заготовку древесины. И там я был счетоводом.

В 1928 году освободилось должностное почтового экспедитора. Старший экспедитор Николай Митрофанович Терлецкий окончил 3-х летний срок заключения и был выслан на три года ссылки в Архангельск. Новая моя работа заключалась в том, что каждые 10 дней, то есть три раза в месяц я должен <был> собрать от заключенных письма со всех командировок и доставить их в город Кемь на почту. А там же получить новую корреспонденцию, также и денежные переводы и опять всю почту передать на все командировки. Посылки же получал раз в месяц, и на подводах, которые получал в гор. Кемь от администрации нашего Кемь-Ухтинского тракта /КУТ/. Развести по командировкам и посылки вручить заключенным, причем посылки, вручая заключенному, вскрывались представителем охраны. Расстояние от

⁴ Белоголовый – Прим. о Б. Чаплицкого.

⁵ У Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

города Кемь до нашей последней командировки было 83 км. Во время моей работы почтовым экспедитором, я жил на пустой командировке Авин-порог со священником православной Церкви Поповым из города Курск. Он тоже имел 3-хлетний срок заключения и был сторожем этой командировки. На этой работе я окончил срок моего трехлетнего заключения и ждал ответа Москвы, что мне предпишет особое совещание Москвы.

Москва дала мне ссылку в город Архангельск на три года, причем, на ссылку меня должны доставить под конвоем. Тут мой начальник Борисов Леонид Сергеевич запротестовал: как так, в лагере я пользовался бесконвойным хождением, и даже получал большие суммы почтовых переводов до 5 тысяч рублей и мне доверяли, а в ссылку, что не доедет - не доверяют. И написал рапорт на имя Начальника Соловецких лагерей Мартинелли, чтобы мне разрешили ехать на ссылку без конвоя. Самостоятельно. Разрешение было дано, и я свободно купил билет до Архангельска и поездом доехал в мае 1930 года.

В Архангельске, на ссылке встретил ссыльных ксендзов - Антония Жуковского - декана города Иркутск, Николая Михасенок - пробоща Новосибирска, и отца Федорова - Экзарха униатов в Ленинграде. Жили в сторожовке около костела на ул. Виноградова № 111. Костел еще существовал, как строение, но не костел, был занят медицинской службой: там в костеле жили 30 девиц легкого поведения - так званный женский профилакторий, отделение венерологического диспансера Архангельского Горздрава.

В Архангельске было много ссыльных католиков и мы, ксендзы, постольку поскольку их обслуживали: крестили, исповедывали, венчали, и т.д.

Когда ГПУ узнало, что мы служили католической нашей вере, нас из Архангельска погнали дальше на север. Я и Жуковский были направлены через Сыктывкар в Коми область, село Усть-Кулом. А Федорова и ксендза Михасенка - в другие места.

Сопровождал на новую ссылку негласный охранник, но мы ехали на свои средства поездом до Котласа, а от Котласа дальше по Вычегде должны были плыть на пароходе. Но так как была уже поздняя осень, навигация на Вычегде закрылась и нам пришлось зимовать 1930-1931 года зиму в городе Лальск, расположенном на юг от Котласа километрах в 25.

А весной, как навигация открылась, продолжили свой путь ссыльных дальше по реке Лале, Лузе и Вычегде до Сыктывкара. Ксендза Жуковского оставили в Сыктывкаре, а меня погнали дальше до Усть-Кулома и из Усть-Кулома в село Донское Усть-Куломского района. В селе Донское встретил ссыльного ксендза из Вологды - Яна Ворслава, который в 1932 году заменен в Латвии с коммунистом, заключенным в Латвии⁶. В селе Дон было очень много ссыльных. Почти в каждом доме по 2-3 человека, а село имело около 300 домов. На каждого ссыльного комендатура отпускала со склада 8 кг ржаной муки и больше ничего. Так что много людей погибло от истощения (пеллагра).

В селе Дон я пробыл на ссылке до конца срока. В 1933 году, летом получил документы об освобождении. Я выехал в город Витебск. От ксендза Петра Авгло в Могилеве, который тогда был вместо Епископа Администратором Могилевской Епархии, получил назначение в город Витебск настоятелем костелов св. Антония и св. Варвары. Но в Витебске я проработал только две недели. В ружанцовом месяце⁷ (в октябре) Витебское ОГПУ не разрешило мне работать настоятелем костелов и старались меня заставить работать под их влиянием и для их пользы. Я не согласился. И меня снова в конце октября 1933 года выслали в Архангельск на новую ссылку.

⁶ Возможно информация не верная. Похоже, что обмен не состоялся. С 1935 г. о. Ян был настоятелем в Луге, в 1937 г. – расстрелян в Левашовской пустоши под Ленинградом.

⁷ В месяце Святого Розария – Прим. о. Б. Чаплицкий

На ссылке в Архангельске пробыл до 1935 года. В мае месяце меня по-новому арестовали, и особое совещание Москвы осудило меня заочно, на 3 года сибирских лагерей - мариинских лагерей.

В мариинской тюрьме пробыл до мая 1936 года, работал фельдшером при тюремной амбултарии.

В мае 1936 года меня направили отбывать наказание, то есть отбывать срок в город Норильск, за полярным кругом.

Плыли по Енисею до июля 1936 года. Последняя гавань Дудинка. А от Дудинки этапом пешком 112 километров до Норильска по тундре, причем, самая плохая погода, мокрая и болотистая местность.

Прибыл в Норильск в конце июля.

Начальник VI отдела санитарного доктор Тафильский Флорентий Флорентинович, взял меня к себе, как старшего медицинского статистика, где я проработал до сентября 1937 года. В этом году меня снова арестовали и послали на штрафную командировку Коларгон, где мне пришлось всю осень и зиму 1937-1938 г. работать прачкой на прачечной командировке Коларгон до конца срока, т.е. до мая 1938 года.

В мае освободили и заставили работать по вольному найму завхозом санбаклаборатории. Хозяйство небольшое - 2 барана, много мышей больших и маленьких и много аппаратуры.

В лабораториях проработал до 1939 года, и тогда меня снова арестовали, и судила выездная сессия Таймырского окружного суда под председательством судьи Янова.

Это был не суд, а траги-политийный фарс.

Москва дала указание обязательно создать дело, и создали, и осудили на 7 лет лагеря и 5 лет ссылки. Дело это начало создаваться с мая 1938 года, то есть со дня окончания моего срока трехлетнего заключения, которое было дано заочно особым совещанием ОГПУ Москвы в 1935 году на ссылке в Архангельске. На каждого заключенного, осужденного особым совещанием Москвы при конце срока заключения, делался запрос, что делать дальше? Я был под запросом 6 месяцев, то есть срок освобождения в мае прошел, а я все в лагере.

Я тогда не знал в чем дело, написал письмо Екатерине Павловне Пешковой (первая жена Максима Горького). Она в то время была председателем Польского Красного Креста и жила в Москве на Кривоколенном переулке. Она меня лично знала и мне через Красный Польский Крест помогала материально и морально. Ответа я от нее не получал, но как видно от этого факта началась за мной слежка в лагере.⁸

И в это тяжелое и критическое для меня время, мне в ночном явился в иконе в круглой желтой раме Христос, как бы из рамы нагнулся надо мной, опираясь левой рукой на левую сторону рамы, а правой рукой - на правую сторону рамы; а я в большой молитве со слезами на глазах на коленях стоял. Христос, повторяя два раза, сказал: «Помилую тебя, помилую тебя».

(...) Суд был в клубе 2-го лагерного отделения в Норильске при закрытых дверях.

После опроса свидетелей мне председатель суда судья Янов предоставляет слово защиты. Я встаю и говорю, что свидетель Комша вспоминает мой с ним разговор о том, что после отбывания срока наказания буду опять ксендзом, может быть это я и говорил, не помню, но по-моему, если я это говорил, то этому преступлению цена нуль.

⁸ Предположение о. Иосифа было неверно. В это время Польский Красный Крест был уже ликвидирован. - Прим. о. Б. Чаплицкий.

Второй свидетель Кочетков, показал, что я говорил, что за границей ксендзы живут лучше - то тоже этому обвинению цена нуль.

А третий свидетель Козаков о колхозах толковал. Какие же колхозы в лагере и на вечной мерзлоте Норильского Заполярья? Значит и этому обвинению цена нуль. И вот в итоге: нуль + нуль + нуль - великое государственное преступление, за которое грозит чуть ли не расстрел. На эти мои слова судья встает и говорит: «Что я сделаю? - такое распоряжение Москвы».

Суд ушел на совещание. Я ожидаю. Заседателем на суде был старик Мороз - горный техник, старожитель Норильска, с которым я был знаком, и второй заседатель - молодая женщина - домохозяйка, тоже Норильская жительница.

Суд возвращается. Объявляют срок: 7 лет северных лагерей и после 5 лет ссылки в Сибирь.

Позже от заседателя Мороз я узнал, что Москва наметила 10 лет лагерей и 5 лет ссылки, но заседатели запротестовали, и судья согласился на 7 лет. Впоследствии Мороз при встрече со мною посмеялся - за мои три нуля сбросили 3 года.

С. 22.

(...) в Абане меня застала смерть Сталина.

А со смертью Сталина началась для меня новая жизнь - предвестник моего освобождения.

В Абане, когда возвратился из Канарея, встретил новых ссыльных ксендзов: Яна Жука, которого сюда перебросили из Устьпорта на Енисее, Казимира Габрилайтиса из Литвы и Степана Яворского - Львовского униата. Так что жить стало веселей, и в сердце появилась надежда, что ссылка не бессрочная, а непременно ей будет конец.

Так и получилось. В мае 1954 года получил уведомление из Москвы от Генеральной Прокуратуры (прокурор Руденко), о том, что я подлежу освобождению со ссылки и буду освобожден после оформления документов.

Документы освобождения пришли в сентябре и в октябре 1954 года я уехал обратно. В тот же месяц получил от Архиепископа- Митрополита Антония Спринговича назначение настоятелем костела в Придруйске (Педруя) Краславского района и Деканата.

Костел старожитный. Основан в 1632 году польским князем Львом Сапегой. Костел был опущен⁹ и требовал большого ремонта. В течение двух лет ремонт общими силами с прихожанами сделали внутри и снаружи. Приходской совет на общем собрании постановил. Чтобы с каждого хозяйства внести на ремонт 50 руб. (старыми).

Новый Епископ Петр Строд пишет мне письмо в 1956 году, что придет ко мне на визитацию прихода и костела на 13 июня, то есть на день св. Антония - Патрона костела.

Я подготовился сам, и подготовил прихожан на эту великую визитацию и запросил на эту визитацию 14 ксендзов соседних приходов.

Во время визитации было к исповеди 5000 человек и к Бежмованию¹⁰ 3000 детей (об этом имеется запись Епископа Строда в метрических книгах приходской картотеки костела).

Народу было очень много. Из-за Двины от бывшей Виленской губернии прибыло больше народа, чем было в моем приходе Придруйске. Паром, что перевозит людей с левой стороны Двины (т.е. с Виленской) на правую работал день и ночь. Ночевать людям Епископ Петр Строд разрешил в костеле, так, что в костеле было с 12 на 13 июне, как в муравейнике.

⁹ Вероятно запущен.

¹⁰ Миропомазанию.

Денег собрали солидные суммы (больше, чем в Аглоне), которые были переданы на содержание семинарии и курии. Ксендзов было 14 и клериков¹¹ - 4.

За эту мою акцию, мне пришлось впоследствии поплатиться должностью и работой. Краславское районное ГПУ постаралось, чтобы меня лишить регистрационных документов. Они этого достигли в июле 1958 года Уполномоченный культа т. Рестберг Юлий Францевич документы от меня отнял. (...)

С. 27.

Четвертое дело - Витебское. Пересмотрено Витебским областным судом:

Витебский областной суд
22 октября 1962 года
№ 44-У-89
гор. Витебск.

Справка

Дело по обвинению Борodzюля Иосифа Иосифовича пересмотрено Президиумом Витебского областного Суда 13 октября 1962 года.

Постановление коллегии ОГПУ от 13 января 1930 года в отношении Борodzюля Иосифа Иосифовича отменено, и дело производством прекращено за недоказанностью в его действиях состава преступления. Борodzюля Иосиф Иосифович до ареста был ксендзом Каменно-Губинского костела Витебской области.

Председатель Витебского областного Суда (подпись)
М. Шугай (печать)

город Рига, ул. Раудас, дом 34
Борodzюля Иосифу Иосифовичу.

Пятое дело - Архангельское. Пересмотрено Архангельским областным Судом.

Министерство юстиции РСФСР
Архангельский областной суд
адрес: город Архангельск, п. Виноградова 30
№ 4-107
23 июля 1959 года

гр. Борodzюля Иосифу Иосифовичу
гор. Рига, ул. Анри Барбюса, 18, кв. 12

Справка

¹¹ Семинаристов

Дело по обвинению Бородзюля И.И., 1893 года рождения, уроженца Витебской области, Полоцкого района, дер. Козики рассмотрено 18 июля 1959 года Президиумом Архангельского областного суда, которым постановлено: «Постановление особого совещания при НКВД СССР от 21 сентября 1935 года в отношении Бородзюля Иосифа Иосифовича отменить и дело о нем, за недоказанностью обвинения, производством прекратить.

И.о. Председателя Архангельского областного суда
(подпись) Н. Миминин (печать).

На основании этих фактов и документов мне разрешено работать при костеле св. Альберта в гор. Риге, где я до сих пор и пребываю (существую) *и на сколько здоровье мне позволяет, имея 88 лет жизни, стараюсь служить народу, костелу и Богу.*

Иосиф Бородзюля /подпись/¹²

Иосиф Иосифович Бородзюля умер в г. Риге в возрасте 90 лет, 23 сентября 1983 г.¹³

¹² Приписано, рукой автора /?/

¹³ Приписано другой рукой